

ЛЕТНЕЕ УТРО, ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

ПЛЯШИТ НЕ ХУЖЕ «ВИНИ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

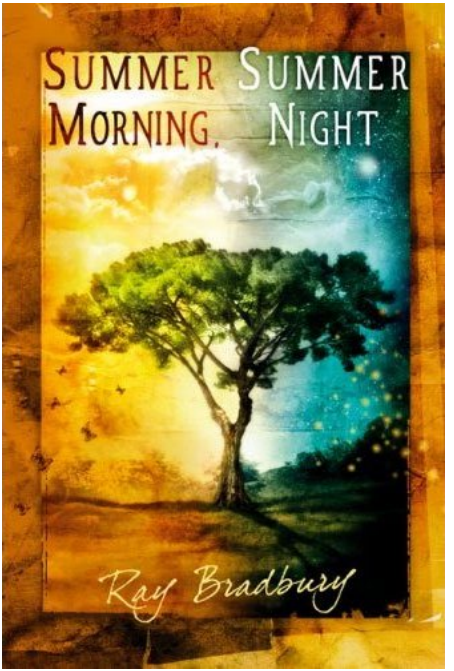
Цирк
Рэй Брэдбери

Аннотация
Рэй Дуглас Брэдбери. Цирк

Аннотация

Фрагмент из романа «Вино из одуванчиков».

Рэй Дуглас Брэдбери
Цирк



Поляна за городом опустела.

В восемь вечера, когда уже смеркалось, Том Сполдинг прибежал на край этого пустыря и остановился перевести дух среди запахов и шепотов летнего разнотравья.

— Вот здесь он был, — вертелось у него в голове. — Ну, почему я не смог прийти? Как назло,

провалялся с простудой.

Медленным шагом он приблизился к центру поляны. Втягивая носом воздух, постоял под необъятной люстрой, в которой вспыхивали и разгорались все новые созвездия.

— Вот тут отдыхали львы…

В воздухе повеяло желтым запахом — запахом нагретых солнцем опилок, африканской пыли и удушливой едкости. В сухой траве, как желтые глаза хищников, блеснули кусочки кварца, но стоило за ними нагнуться, как они превратились в обычные камешки.

— Вот тут стояли слоны.

Ветер усилился, взмыл вверх и обвил его прохладным хоботом. Невидимый глазу, ветер качался из стороны в сторону. А из слоновьего запаха вырос огромный вольер.

— Вот отсюда можно было их покормить.

Он подобрал несколько ореховых скорлупок, внимательно осмотрел со всех сторон и сунул в карман.

— А тут были обезьяны, зебры, верблюды.

На ветру зашуршали сухие кусты. Летние зарницы щедро позолотили склоны холмов, а потом побледнели и беззвучно исчезли.

Даже циркового шествия и то не было. Львов

перекричала городская команда «Львы». Слонов потеснили «Лоси». Каллиопу заткнули и придушили канцелярской волокитой, и все циркачи ретировались, чтобы не угодить под передвижные платформы «Бизонов», «Орлов» и масонов. Киванианцы, протянувшие руку для своего пресловутого рукопожатия, получили по пальцам от полковника Куотермейна. Куотермейн, Куотермейн — это имя в те дни бесконечно скандировала толпа, на каждой улице, в каждом окне был выставлен его портрет, а сам он выступал у каждого памятника в День поминовения, молча стоял лицом на восток в День перемирия и выкрикивал команды Четвертого июля, вытянувшись меж черных как смоль пушек времен Войны за независимость. Его глазами сверкали орлы на обороте каждой долларовой бумажки. Его зубы ощеривались в злобной ухмылке на вывесках всех городских дантистов. Его лысая голова мерещилась всякому, кто открывал холодильник, чтобы достать свежее яйцо. Он открыл свою огнедышащую пасть — и обратил цирк в паническое бегство. И к тому же издал указ, запрещающий использовать труд детей при установке опор для шапито. Куотермейн, Куотермейн. Вспоминая о нем, Том проникался таким же отвращением,

какое, насколько он знал, вызывали у Дугласа стервятники и змеи.

— А вот тут была арена, и распорядитель в черном шелковом цилиндре выкликал: «Почтеннейшая публика!»

Он остановился в самом центре вымершего пустыря.

— А там, наверху, летали на трапециях воздушные гимнасты в костюмах цвета сахарной ваты.

Теперь ночной ветер раскрутил огромную карусель запахов, цветов и звуков, пинками расшвырял пустые жестянки; травы мягко пружинили, как крадущиеся львы, а Том смотрел в небо, где плавали клочки бумаги, то устремляясь к земле, то взмывая ввысь. Пустырь вздрогнул и пришел в движение, потому что ветер запел в точности как каллиопа, листья пустились в пляс, а мальчонка вытянул руку с невидимым хлыстом. Взглядом он призвал к тишине галерку. Птицы с гомоном разлетелись.

Ветер утих.

Постояв еще с минуту, Том сник и опустил руки. Он побрел через пустырь. На краю остановился — и все запахи вдруг сгустились, да так, что хватило бы до следующего года, до конца весны, а то и до лета, если только не втягивать их в себя с

чрезмерной жадностью и не шастать сюда почем зря. Но если выбрать время среди зимы, прибежать под покровом темноты, чтобы луна светила не слишком ярко, да еще поймать нужный ветер, можно было рассчитывать на что угодно.

— Вот здесь он стоял, точно, — сказал Том сам себе.

И побрел прочь от заветной поляны в ночной летний город.